

ОБРАЗ АВТОРА В ПРОЗЕ В. ШАЛАМОВА («КОЛЫМСКИЕ РАССКАЗЫ»)

Таркан Наталья Евгеньевна

доцент кафедры литературы и межкультурных коммуникаций учреждения образования «Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова»; кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилев, Беларусь)

Проблема автора – одна из центральных в литературоведении. Автор же в мемуарном, автобиографическом произведении – это особый ракурс рассмотрения названной проблемы. М. Бахтин противопоставляет «изнутри организованную личность творца» и «извне организованную личность героя, человека – предмета художественного виденья, телесно и душевно определённого» [1, с. 70]. Подобное противопоставление будет затруднительным в такой форме повествования, которую называют «рассказ о себе». Она свойственна мемуарной, автобиографической литературе: объект высказывания концептированного автора и сам субъект речи сходятся в одной точке, и к ним примыкает автор биографический. Эти три «я» то разбегаются, то собираются вместе. Особенностью решения проблемы автора в мемуарной, автобиографической литературе и является то, что, с одной стороны, все ипостаси понятия «автор» здесь сближаются, а с другой – между ними почти всегда можно найти какие-нибудь отличия.

В прозе В. Шаламова происходит слияние или же почти полное совпадение автора концептированного, автора биографического и автора-творца, что

само по себе необычно даже для автобиографических произведений. Эта особенность определила и субъективную организацию прозы В. Шаламова.

Поэтика шаламовского рассказа внешне напоминает каноны приключенческого жанра, она складывается из лаконичного, точного описания одного конкретного случая, события, пережитого автором. Описание принципиально аскетично, внеэмоционально и загадочным образом высвечивает запредельную бесчеловечность происходящего. Примерами могут быть шедевры «Колымских рассказов» – «Тайга золотая», «Шерри-бренди», «Последний бой майора Пугачева», «Заклинатель змей», «Магия», «Заговор юристов», «Перчатка», «Приговор», «Сгущённое молоко», «Вейсманист». Гигантский корпус «Колымских рассказов» связывает личность автора, напряжение его души, мыслей, перипетий судьбы. Двадцать лет, проведенных в лагерях – три в Приуралье, семнадцать на Колыме, – нечеловеческая цена этого произведения.

В шаламовских воспоминаниях о Колыме есть раздел «Кто знает мало – знает много», в котором сказано: «Писателю нужен опыт небольшой и неглубокий, достаточный для правдоподобия... Писатель не должен хорошо знать материал, ибо материал раздавит его». Когда «знаешь мало», легче завязать контакты с читателем, добиться успеха. Но истинный писатель работает не для читателя, а во имя высшей истины – на этом тоже настаивает Шаламов. И он оспаривает выдвинутые им же положения. «Есть мысль, что писатель не должен слишком хорошо, чересчур хорошо и близко знать свой материал... Орфей, спустившийся в ад, а не Плутон, поднявшийся из ада... По этой мысли – писатель всегда немножко турист, немножко иностранец, литератор и мастер чуть больше, чем нужно» [2, с. 548].

«Колымские рассказы» документально достоверны, они повествуют и о лично пережитом и, чаще всего, о лично увиденном. С этой точки зрения представляется совершенно органичным высказывание Шаламова: «Новая проза отрицает этот принцип туризма. Писатель – не наблюдатель, не зритель, а участник драмы жизни, участник не в писательском обличье, не в писательской роли, Плутон, поднявшийся из ада, а не Орфей, спустившийся в ад. Выстраданное собственной кровью выходит на бумагу как документ души...» [2, с. 549]. Такая авторская установка во многом способствовала субъектной организации шаламовской прозы, где в качестве основного субъекта речи используется герой-повествователь.

У колымских вещей строго документальная основа. Везде присутствует автор – либо под собственной фамилией, либо под своего рода псевдонимом. Иногда повествование идёт от третьего лица, но по существу всегда от первого. Ощущается кровная причастность автора к описываемым событиям. Если сопоставлять воспоминания Шаламова о лагере с текстом колымских рассказов, то различие между ними зачастую невелико. Но и нельзя свести послед-

ние к «мемуару». В рассказах вымысел, авторское «додумывание» персонажа всегда присутствует, хотя и в разной степени. И всегда документализм сопрягается с психологизмом.

В абсолютном большинстве рассказов герой-повествователь по ряду автобиографических подробностей, а также внешне и хронологически максимально сближен с автором – Варламом Шаламовым.

В книгах «Левый берег» и «Артист лопаты» наблюдается постепенное уточнение, проявление автора в герое: от внешних биографических совпадений – через вымышленные имена (Крист, Голубев, Андреев) – к прямой названности Варламом Шаламовым. Например, в рассказе «Мой процесс» повествуется, причём без какой-либо патетики и обличений, как по доносу лагерных стукачей Шаламову припаяли новый срок. В частности и за то, что он назвал Бунина «великим русским писателем», Шаламов получил десять лет лагеря и ещё пять лет поражения в правах. Из этого рассказа мы узнаем о мучениях героя, но ещё больше – о его мужестве и стойкости. И тут же создается беспощадный портрет его следователя Федорова, невежественного, подлого, лицемерного, и создается опять-таки в сдержанной, почти протокольной манере, которая здесь наиболее уместна.

В тех рассказах, где повествование ведется от первого лица, часто действуют персонажи, наделенные внутренней позицией, биографией и внешностью самого Шаламова. Из них Андреев, Сазонов, Голубев и Крист могут быть идентифицированы как персонажи-двойники. В рассказе «Первый зуб» автор присутствует сразу в двух ипостасях – как «я» рассказчика, и как бывший лагерник Сазонов (рассказ Сазонова о первом, выбитом у него в лагере зубе четырежды повторяется в шаламовском антиромане «Вишера» уже от первого лица). Таким образом, слова персонажей «Кольмских рассказов», их поступки и индивидуальные черты – и даже традиционно неприкосновенная личность автора – тиражируются, теряют уникальность. А в произведениях, где Шаламов рассказывает не о себе или о событиях, которые он действительно наблюдал со стороны (этому есть подтверждение в архивных документах), субъективная организация иная. Это форма или личного повествователя: автор является участником событий («Прокажённые», «Сука Тамара», «Вечерняя молитва», «Золотая медаль» и др.), или гораздо более редко встречающаяся форма эпически отстранённого повествователя («Геркулес», «Зелёный прокурор», «Последний бой майора Пугачёва»).

Порою Шаламов, казалось бы, далеко уходит от биографической документальности. В рассказе «Шерри-бренди» описывается смерть поэта, в котором легко угадывается Осип Мандельштам. Написано это с обжигающей достоверностью – словно автор лично присутствовал при кончине своего героя или даже был им самим, но чудом выжил. Шаламов неоднократно находился

в аналогичных условиях, много раз прощался с жизнью. Таким образом, и это произведение имеет под собой документальную основу.

Документальность – одна из примечательных характеристик шаламовской прозы, которую он называл «новой». Признавая необходимость довоображать, домысливать внутренний мир своих персонажей, Шаламов считает недопустимым выдумывать самую обстановку, жизненную среду действия, основные коллизии и конфликты. Безусловными признаками «новой прозы» являются полная искренность автора, что требует органичной погруженности писателя в жизненный материал, глубочайшее его знание изнутри, что возможно лишь при личном участии в воспроизводимых им реальных ситуациях. Шаламовская проза личностна, она в значительной мере субъективна. Субъективная организация его произведений различается лишь внешне, формально. Как бы ни был назван и определён носитель речи, это всегда субъект, равновеликий В. Шаламову – писателю трагической судьбы.

Литература

1. Бахтин, М. Вопросы литературы и эстетики / М. Бахтин. – М. : Художественная литература, 1975.
2. Шаламов, В. Несколько моих жизней: Проза. Поэзия. Эссе / В. Шаламов. – М. : Республика, 1996.